

**Евгений
ДОЛМАТОВИЧ**

г. Ярославль

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
«ЭНТЕРПРАЙЗА»

рассказ

Последний луч заходящего солнца устало коснулся земли, и всевозможными оттенками черного сгустились сумерки. Заметив это, посвежел и явно расшалился летний ветер; как будто смеясь, он носился над угрюмыми домами, бесчисленными огородами и пыльными тропами Завитинска. Ветер, играющий сам с собой, словно котенок, гонящийся за собственным хвостом.

Ветер — этот неугомонный ребенок, знакомый не понаслышке с таким понятием, как вечность. Ребенок, не способный постигнуть грусти, связанной с утратой детства. Ребенок, который просто не может грустить об этом, по той простой причине, что так никогда и не повзрослеет...

А на вершине Ведьминой горы — довольно большой песчаной насыпи — сидели трое подростков. Ночной сумрак плотно окутал их фигуры, и лишь изредка вспыхивающие огоньки сигарет выдавали в этом месте человеческое присутствие.

— Значит, завтра? — нарушил молчание один из них, пустив по воздуху ровное колечко табачного дыма.

Эта троица устроилась на остывающем после жаркого дня песке, каждый задумчиво глядел вдаль. И пусть взгляды их были направлены туда, где располагалась обложенная частными огородами окраина Завитинска, — где черными громадинами проступали коробки пяти- и девятиэтажных домов, мыслями они были гораздо дальше. В тех сказочных краях, видения о которых изредка проносятся перед глазами, когда мы зачарованно смотрим на звездную россыпь или на уходящие к горизонту поля спелой ржи с пересекающими их линиями дорог. В тех сказочных краях, о которых грезим, когда рассматриваем фотографии с запечатленными на них малахитового цвета морями и отдельными, густо покрытыми зеленью и заключенными в ореол золотистого песка островами на горизонте. В тех сказочных краях, где нам не дано побывать, хотя бы потому, что сказочными они остаются лишь в нашем воображении...

Сашка передернул плечами, вздохнул:

— Да, завтра. Билеты взяли на девять вечера.

И мир опять погрузился в тишину, лишь что-то шептал проказник ветер, угнездившись

в кронах деревьев, да монотонно стрекотали сверчки.

Друзья же явно приуныли.

— Поедешь к себе на родину? — зачем-то поинтересовался Мишка, и огонек сигареты отразился в его глазах.

— Ага, в Ярославль.

Ответ напряженно повис в воздухе, и троица молча переглянулась. Но даже в густой темноте летней ночи каждый из них сумел различить, а то и почувствовать тоску в глазах остальных.

— Нам будет тебя не хватать.

И словно откликом на эти слова где-то вдали протяжно взвыла собака, а уже через мгновение на вой отозвалась еще как минимум пара ее сородичей. С Кочегарки же по-прежнему доносилось лишь убаюкивающее гудение, а в безмолвных домах свет поочередно вспыхивал в одних окнах и затухал в других. Люди там возвращались после тяжелого рабочего дня. Обменявшись с родней парой слов, они пили чай и нехотя жевали остывший ужин, равнодушно смотрели телевизор, а после, зевая, укладывались спать. Преимущественно то были военнослужащие. Отдаленный уголок страны, постепенно чахнувший и пустеющий, все ж ухитрялся приманивать молодых лейтенантов и умудренных жизнью прапорщиков. Хотя условия здесь, надо признать, были далеки от нормальных: свет по пять часов в сутки, отсутствие горячей воды и постоянные проблемы с отоплением. Ко всему этому, конечно, можно привыкнуть — учитывая повышенные оклады и выслугу «год за два». Но давалось такое нелегко. Быть может, потому и распались многие семьи?..

— ...Мне вас тоже, ребята, — наконец прошептал Сашка. — Ведь вы мои лучшие друзья. Единственные друзья.

И тут он не покривил душой.

— А помните, — улыбнулся он, — как мы чей-то сарай разобрали? Ведь то была полностью твоя идея, Женёк.

— Вы не особо-то возражали, — заметил Женёк, тряхнув гривой черных волос. — Расковыряли его за полчаса! А ты, Мишань, по кой-то черт еще все уцелевшие доски на соседний участок перетащил. Корячился, ругался...

— Ага. Заявил, что там отныне наша резиденция будет. Дескать, на следующее утро воротим-

ся и из оставшихся досок второй этаж себе забаваем. Коттедж планировал там отгрохать!

Они дружно расхохотались, нарушив умиротворение ночи, убаюкивающий шепот ветра и монотонный стрекот сверчков. Последних, в свою очередь, это настолько возмутило, что после секундного затишья они принялись стрекотать с удвоенной силой.

— Было дело, — кивнул Мишка. — Особенно запомнилось утро, когда мы вернулись и обнаружили там хозяев. Не, вы прикиньте, они ж и правда готовы были вцепиться друг в друга!

Эта история случилась года три-четыре назад, когда, будучи еще желторотыми пацанятами, наша троица с бухты-барахты решила сколотить себе шалаш, в котором можно было бы спокойно играть. Присмотрев наиболее обихоженный участок, они почему-то решили, будто он никому не принадлежит, а потому быстренько прибрали его к рукам. Их не остановили ни замок на калитке, ни колючая проволока, навешенная по периметру от столба до столба. На соседнем огороде, где сарай выглядел довольно крепким, решено было обустроить шалаш, а данный «брошенный» участок растащить на стройматериалы. Естественно, для начала требовалось избавиться от невесть откуда взявшихся замков на двери сарая, а заодно расправиться и с надоедливой колючей проволокой.

Удача сопутствовала им в тот вечер — никто ничего не увидел. До поздней ночи мальчишки разоряли один огород и таскали с него все на соседний. Они срезали колючую проволоку, тут же найденным топором срубили замки, затем сняли и саму дверь. К полуночи от некогда аккуратенького участка остались лишь четыре столба, служившие основой для сарая, да вытоптаннные грядки, с которых предусмотрительно был собран весь урожай (в особенности на ура ушли кочаны капусты, морковь и редька). Все доски, инструменты, несъеденные овощи, оконные рамы и стекла, скамейки и прочее были транспортированы на соседний огород, где утром планировалось начать строительство.

Сделано это было не по злости или из желания кому-то насолить — вовсе нет! Конечно же, это являлось хулиганством. Но хулиганством, совершенным под воздействием той самой мальчишеской жажды приключений, стремления

что-нибудь мастерить, исследовать, преодолеть. И не важно, что именно. Мальчишка — он ведь на то и мальчишка, что ему постоянно необходимо чем-нибудь заниматься. И частенько смысл этих занятий становится ясен лишь много позже, когда ничего уже нельзя исправить.

Той ночью они разошлись по домам, уставшие и чрезмерно довольные собой. А ранним утром, не застелив кроватей и нагло проигнорировав приготовленные заботливыми матерями завтраки, уже спешили обратно к своей так называемой стройке.

И тут их ждал пренеприятный сюрприз. Оба огорода кишмя кишели незнакомыми людьми — яблоку негде упасть. В центре же стояли два крайне грозных на вид мужика и о чем-то громко спорили. Видимо, один обвинял другого или что-то такое...

А поскольку делать здесь уже было нечего, раздосадованные, друзья побрели прочь.

— Да-а, было по-настоящему круто, — мечтательно протянул Сашка. — Те дядьки даже и представить себе не могли, что именно мы разворотили их грядки.

— И хорошо, что не могли, — хмыкнул Мишка, запуская окурок в темноту. — Если б узнали, по шеям бы точно надавали.

— Это в лучшем случае, — буркнул Женька, наученный собственным горьким опытом. Его отец слыл беспробудным пьяницей, предпочитавшим воспитывать сына исключительно кулаком. И потому Женька прекрасно знал, что взрослые дядьки могут надавать не только по шеям. Нередко они бьют и по лицу, а это куда как больнее.

Меж тем где-то вдалеке вновь завывала собака, и в этот раз еще больше лохмато-блохастых сородичей откликнулись на ее тоскливый зов. Отблески закатного солнца давно уже смылись с небес вездесущей темнотой, и теперь лишь холодно блестели звезды, да вдали над озером серебрилась таинственная луна.

Друзья настороженно переглянулись. Они уже не были мальчишками, скорее — юношами. Позади у каждого осталось девять классов средней школы № 3 города Завитинска, и в этом году двоим предстояло учиться не то что в разных школах, даже в разных городах... Третий же пойдет работать. Вот она — взрослая жизнь.

Полная загадок, жизнь эта распахивала свои двери, и они были обязаны шагнуть за порог. Увы, права выбора у них не имелось, ведь таковы законы этой самой жизни: чтобы переступить черту молодости, необходимо заплатить за вход — буквально оставить частичку себя в прошлом. И как бы ни было оно грустно, той самой частичкой является детство...

Последний год негласно подтверждал это. На первый взгляд, пускай и не слишком заметно, но он отличался от предыдущих. Все реже собирались друзья, чтобы отправиться на поиски жуков-плавунцов, в изобилии обитавших в местных болотах, или чтоб совершить путешествие на карьер, а оттуда — к кладбищу автомобилей, рискуя нарваться на тамошних обитателей — беспризорников. И все чаще они просто сидели в соседнем дворе на лавочке. Мишка брэнчал на гитаре (из него был никудышный музыкант, но другого попросту не имелось), а остальные попыхивали дешевыми сигаретками и с видом умудренных жизнью мужчин рассуждали о всяком.

А потом у Женьки появилась девушка — еще один признак неумолимо надвигающихся перемен, — и он стал проводить с ней гораздо больше времени. В конце концов она могла дать ему то, как смеялся сам Женька, чего не могли дать друзья.

Так или иначе, но время коснулось их. Они сделались серьезными, даже скрытными, — и навсегда вычеркнули из своих интересов такие незабываемые символы детства, как игры в войнушку или в «сифу», ловлю жуков, разорение чужих огородов, мультфильмы про черепашек-ниндзя и, конечно же, «Энтерпрайз».

С последним было связано очень многое. То был целый мир, выдуманный несколькими американскими фантастами и оживший благодаря мальчишескому воображению. Мир, в котором Завитинск легко мог оказаться зримой вселенной; дом — временным блок-постом Федерации; территория карьера и Кочегарки — опасной зоной отчуждения, заселенной злобными ромуланами; а большое картофельное поле, начинающееся сразу за лесом, — пустынной бесконечностью, краем всего сущего.

Сериал о приключениях команды «Энтерпрайз» они были готовы смотреть днями нап-

ролет, забросив все и вся. Частенько солдат с телецентра ставил легендарный «Звездный путь» и выводил его на экраны всего Завитинска. И где бы в тот момент ни находились друзья, чем бы ни были заняты, как только они узнавали, что по телеку крутят любимый сериал, то бросали все свои дела и стремглав бежали домой.

Они так обожали «Звездный путь», что даже решили создать свой собственный «Энтерпрайз» и стать его полноценной командой...

Ныне все это ушло — и небольшая мачтовая лодка, на чьем боку красной краской было выведено «Энтерпрайз», и те славные деньки, когда ребята исследовали отдаленные уголки космоса, который им заменяло местное озеро с многочисленными окружающими его болотами. Эх, детство — счастливое и беззаботное время, когда мальчишки еще не познали вкус сигареты и первого поцелуя, когда не понимали, что отсутствие света или горячей воды — это очень плохо, и почему мама так хмуро глядит на подвыпившего отца; время, не омраченное разрушительной силой денег и острой необходимостью их зарабатывать. Да, троица была дружна с детства, и им удалось сохранить эту дружбу в юности, хотя виделись они уже реже. Тем не менее по-прежнему дорожили друг другом и потому этим вечером поднялись на Ведьмину гору — своеобразный маяк для «Энтерпрайза», — чтобы побыть напоследок вместе.

Так они сидели на вершине ярчайшего памятника собственному детству, курили и вспоминали былое.

— Весело тогда было, — вздохнул Мишка, с тоской глядя на звезды. — Гораздо веселее, чем теперь.

— Может, потому, что мы попросту не видели всех этих проблем? — предположил Женька.

— Да бросьте вы чушь молоть! — отмахнулся Сашка. — Как бабки старые, ей-богу! Вспомните лучше, как мы машину в карьер спустили.

При этих словах все ехидно заулыбались.

— Не-е, ну я, правда, думал, что она ничейная! — развел руками Женька. — Она и выглядела такой.

— Ага! — подхватил Сашка. — И тот мужик, что гнался за нами аж до самой Кочегарки, тоже, наверное, так думал.

— И все-таки оно того стоило, — подытожил

Мишка. — Помните, как красиво падала эта тачка? Как она кувыркалась!

Да, автомобиль — ржавая белая «копейка» — действительно красиво свалился в карьер. Взметнув облако песка, он несколько раз перевернулся и замер, распластавшись где-то внизу. А затем из соседней будки выскочил разъяренный мужик с монтировкой в руках и, кроя отборным матом все, на чем мир стоит, бросился на мальчишек. В тот день удача вновь была на их стороне: они сумели удрасть и спрятались на Кочегарке, забравшись в старую трубу. С гулко бьющимися сердцами украдкой друзья наблюдали за разгневанным мужиком, который еще долго носился взад-вперед по округе, размахивая своим грозным оружием и проклиная мерзкую шпану — всю, которая только есть на белом свете.

— Ты бы так не думал, если б этот тип своей железкой тебе по хребтине прошелся, — хмыкнул Женька, а после добавил: — Но было действительно классно.

Сашка же чиркнул красной музыкальной зажигалкой, которую нашел однажды на стройке и с которой с тех пор не расставался, прикурил очередную сигарету. Он с удовольствием затянулся и выпустил струйку сизого дыма. «Все было здорово, — подумал он, — и разграбленный огород, и кувыркающаяся по склону тачка, и даже как пришлось вылезать с третьего этажа по связанным простыням, когда родители в наказание заперли его дома, а пацаны дожидались во дворе. И в особенности — «Энтерпрайз»! Наш космический корабль, на котором мы провели столько времени...»

А теперь вот Сашка уезжает в город, где не был уже десять с лишним лет. Родной город и при этом ни капельки не родной. И что ждет его там? Новая школа? Новые улицы и обширные территории, заполненные незнакомыми людьми? Новые законы — законы большого города? И новые друзья?.. А что будет со старыми? Неужели они расстанутся навсегда? Неужели он взаправду уезжает, а они остаются в этом городке-призраке, годном, пожалуй, лишь для мальчишек, но никак не для взрослых?!

От подобных мыслей стало не по себе.

— Помните, как однажды за нами гналась толпа беспризорников и если б не «Энтерпрайз», то

нам бы точно настала крышка? — неуверенно произнес он.

— А то! — в унисон воскликнули остальные. — Вот это был высший пилотаж!

— Я тогда чуть в штаны не наложил, — гордо заявил Мишка.

— Ну-ну, брось заливать, — усмехнулся Женька. — Еще как наложил. Потом всю дорогу до дома воняло.

Мишка с улыбкой показал ему средний палец.

— Они ведь нас едва не догнали, — сказал Сашка. — И этот лысый, с одним глазом который, еще долго что-то орал на своем... э-э... ромуланском языке.

— Точняк! Это ж были ромулане!

— Засаду на нас устроили, придурки, — показывал головой Женька. — Но мы-то вовремя смекнули, что к чему. Смылись, благо — двигатели нашего корабля работали исправно. — При этом он гордо хлопнул себя по бицепсам. — У меня на следующий день руки чертовски болели.

— Это они у тебя от онанизма болели, — сострил Мишка. — Знаем мы все, — и тоже был удостоен среднего пальца.

Уже десятый раз за вечер где-то надрывалась бездомная псина. Быть может, она жаловалась безучастной луне на свою нелегкую собачью судьбу? Или, возможно, оплакивала такие казусы жизни, как расставание лучших друзей? Как знать...

Там же, где на холме виднелись силуэты пяти- и девятиэтажных домов, внезапно вспыхнули и быстро потухли два огонька. Видать, подъехал автомобиль и свет фар на мгновение выхватил из темноты пустой двор, в котором давно уже никто не играл. Просто некому было играть, ведь дети выросли и у них появились другие интересы. Качели и песочницы; всевозможные запредельные тайны, окутывающие подвальные и чердачные помещения крошащихся от времени зданий; магнетизм городской помойки и мракобесные байки о Жутком доме — все это тщетно ждало нового поколения ребятни, не желая принимать собственную ненужность, затаившуюся среди пыли, паутины и ржавчины.

Друзья же продолжали вспоминать о славных деньках, затерявшихся в далеком, как им теперь казалось, прошлом. Они думали о том, сколь многое сделали за тот короткий срок,

что был отпущен их единству, как и о том, сколько всего не успели...

Старая лодка с прохудившимся днищем стала неотъемлемой частью их жизни. Лодка, которую они собственноручно починили и выкрасили, буквально восстановив из груды досок, найденных в одном из сараев у пристани. На этой обретшей вторую молодость посудине они впервые вышли в озеро — в пугающую и вместе с тем влекущую вселенную, порожденную их дружбой. В тот день у них не имелось бутылки шампанского, чтобы, как оно принято, разбить о борт новоиспеченного, впервые спускаемого на воду корабля. Но шампанское вполне заменила полулитровая бутылка молока. А чуть позже началось захватывающее путешествие по неизведанным и таинственным землям. Ведьмина гора сделалась планетой вулканов, а кладбище бронетехники, расположенное позади на лугу, отныне представляло собой останки древнейшей цивилизации разумных машин. Лес перевоплотился в Млечный Путь, картофельное поле за лесом — в безграничные просторы глубокого космоса, где не составляло особого труда потеряться.

Теперь же мальчишки подросли, а сериал «Звездный путь» исчез с телеэкранов, уступив место новым голливудским блокбастерам. Да и сама лодка с каждым годом все больше трухлела, как если бы осознавала ту горестную истину, что уже не нужна своему экипажу. Сколь оно ни прискорбно, но, увы, для «Энтерпрайза» настало время отправляться на свалку космических кораблей...

Женька швырнул окурок во тьму, поднялся на ноги.

— Ладно, — сказал он, — пойдемте уже.

Остальные с тоской посмотрели на него, тяжело вздохнули. Никому не хотелось расставаться, ведь каждый чувствовал ту беспощадную истину, что, возможно, они никогда больше не встретятся. Но, как ни крути, здесь они могли просидеть хоть всю ночь, а наутро им так или иначе придется разойтись.

— Идем, — глухо отозвался Сашка, уставившись куда-то вниз.

Там, в нескольких метрах от подножья горы, змеилась проселочная дорога, и однажды — то было лет шесть-семь назад — допоздна загулявшись, он обнаружил на ней перевернутую

повозку, полную дохлых свиней. После это ужасающее видение еще долго преследовало его во снах.

Спустившись, они замерли на пару секунд, зачарованно глядя вдаль, где над озером мистически сияла луна.

— Мне будет не доставать всего этого, — сказал Сашка. — В Ярославле ничего такого нет. Я в этом абсолютно уверен.

Мишка положил руку ему на плечо.

— Не грусти, дружище. Не стоит забивать этим голову. Как-никак, ты едешь домой — туда, где родился. В этом тоже свои плюсы.

— К примеру, никаких проблем с горячей водой и светом, — вставил Женька.

Остальные хмуро скосились на него.

— Да что...?! — воскликнул он.

— Короче, не переживай, — продолжал Мишка. — Я, если что, в своем родном городе не был с рождения. И неизвестно, когда теперь побываю. Отчасти даже завидую тебе.

Сашка с благодарностью посмотрел на друга, улыбнулся:

— У меня и вещи-то не собраны. Будто и не еду никуда...

Они развернулись и побрели в сторону домов, черными пятнами выступающих на фоне ночного неба.

Внезапно Сашка остановился.

— Погодите.

Друзья удивленно глянули на него.

— Что?

В Сашкиных глазах сверкнула искра, и он выпалил:

— А давайте отправим «Энтерпрайз» в его последний звездный путь!

Никто и не думал возражать — какое там! Эта на первый взгляд сумасбродная идея моментально захлестнула их, полностью подчинив своей власти. Конечно, не было никакой уверенности в том, что «Энтерпрайз» до сих пор цел, — даже если старой лодке это и удалось, где гарантии, что она сможет выйти на воду? Нет, они и мысли такой не допускали, потому что в душе каждый знал, чувствовал, что все это время покинутый «Энтерпрайз» преданно дожидался своего экипажа — дожидался, готовый совершить свое последнее путешествие.

Быть может, именно это ощутил Сашка,

когда вдруг понял, что никогда больше не увидит Завитинска, как и всего того, что связано с этим городком...

И вот друзья бежали по залитой лунным светом тропе, огибали сады и огороды, пересекали пыльные дороги, не обращая внимания на усталость и злобный лай сторожевых собак. Они спешили к озеру. Мчались к нему — так же, как мчались годы до этого, подгоняемые азартом и любопытством, предвкушая нечто грандиозное, а вместе с тем и подстегиваемые смутным ощущением неизвестной опасности.

Озеро нисколько не изменилось за прошедшее время. В черной воде отражалась бледная луна, а где-то вдали плескалась рыба.

— Давненько мы тут не были...

— И правда...

— А ну за мной! — скомандовал Сашка.

Они прошли вдоль берега — туда, где находились прогнившая пристань и ряд заброшенных сараев, один из которых и являлся ангаром для «Энтерпрайза».

— Думаете, она еще там? — засомневался Женька.

— Конечно, — уверенно сказал Сашка. — Мы же здесь!

Они приблизились к ангару, вокруг которого обильно разросся репей, щетинилась крапива. Покосившиеся двери оказались плотно закрыты, но замка на них не было.

— Откроем их! Поглядим, как там наша крошка.

И, конечно же, лодка была на месте — стояла в дальнем углу, покинутая и никому не нужная, с облупившейся на боках краской и сломанной у самой верхушки мачтой. «Энтерпрайз» — гласила потускневшая кривая надпись, выведенная когда-то дрожащей от нетерпения мальчишеской рукой. Последние две буквы уже практически стерлись...

— А она плавает?

Мишка придирчиво осмотрел посудину, пожал плечами.

— Плавает, — кивнул Сашка. — Должна поплыть! Ну-ка, помогите мне...

Сопя и отфыркиваясь, друзья вытащили старую лодку на улицу. При этом все перепачкались в пыли и паутине, расчихались, не единожды обожглись крапивой, вдоволь нацепляли за-

ноз, но не обратили на это никакого внимания. Впервые за несколько лет к ним вернулось ощущение некоего таинства, манящее и при этом пугающее предчувствие чего-то необычного. Они были вместе и готовили свой космический корабль к полету — так, как делали это уже несчетное множество раз. Они радостно смеялись, волоча лодку по земле; смеялись, забираясь в покрытую вязкой тиной воду; смеялись, всеми силами стараясь удержать «Энтерпрайз» и не дать тому завалиться на бок.

— Готовы? — прокричал Женька, уцепившись за борт.

— Готовы!

Вода в озере была теплой, а вдоль берега самодовольно квакали лягушки и надрывно жужжало всевозможное жучье-паучье. Луна, будто бы окруженная ореолом из звезд, равнодушно наблюдала за происходящим. Радостным возгласам вторили все окрестные дворняги.

— Три! — гаркнул Женька.

— Два! — подхватил Мишка.

— Один! — прокричал Сашка. — Старт разрешаю!

И они дружно налегли, вытолкнув «Энтерпрайз» вперед — в черную гавань, в бескрайние просторы открытого космоса.

Лодка покачивалась на небольших волнах, а друзья, все еще находясь по пояс в воде, проводжали ее гордыми взглядами. Они были счастливы, ведь, быть может, так сделали подарок утра-

ченному детству, и смотрели, как бесхозный, но свободный «Энтерпрайз» медленно плыл по озеру. Это было его последнее путешествие, последний «звездный» путь, который он вынужден совершить уже без своего экипажа. Мальчишки вырастают, становясь мужчинами, и у них больше не остается времени на такое замечательное занятие, как путешествие по мирам собственного воображения. На подобное способны одни только дети, не ведающие, что такое время, куда оно идет и зачем, — дети, вовсе не помышляющие о времени. Наверное, в этом и заключена таинственная притягательность детства — когда некуда спешить и кажется, что впереди еще сто миллиардов лет всевозможных приключений.

Друзья в последний раз взглянули на лодку, а потом развернулись и молча побрели прочь. Но теперь они не тосковали, ведь отныне каждый из них двигался навстречу своему будущему — навстречу собственной жизни, что обещала быть не менее прекрасной и удивительной, нежели то, что они только что оставили на озере.

Они шли и улыбались, а за их спинами на воде покачивался последний символ уходящего детства. И за всем этим безмолвно наблюдала луна, точно так же, как делала это тысячи лет, лишенная, однако, возможности понять, что же такое детство... И как оно прекрасно...

□

Евгений ДОЛМАТОВИЧ

родился в 1986 году в Ярославле,

но большую часть детства провел на Дальнем Востоке.

В 2008 году окончил Ярославскую военную

финансово-экономическую академию.

Пишет прозу.

Автор сборника рассказов «Калейдоскоп» (2016).

Публиковался в журналах «Север», «Парус»,

«Уральский следопыт», «Ното Legens», «Урал»

и др., в сборниках, на интернет-ресурсах.

Живёт и работает в Ярославле.

